

О ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ СИМВОЛЕ «МОСКВА – ВТОРОЙ ИЕРУСАЛИМ»

Наши предки в XIV–XVII веках называли Москву разными символическими именами: Дом Пресвятой Богородицы, Второй Иерусалим, Третий Рим, наконец, Небесный Сион, или Новый Иерусалим, то есть Небесный Град. Имена эти не были слишком расхожими, так как принадлежали образованному слою населения. Каждое выражало определенную идею, и идея эта была необходима для жизни общества того времени.

Так, с прошлого века среди наших историков большой резонанс получила теория «Москва – Третий Рим». С каких только сторон она не рассмотрена! И все же еще сегодня она далека от полноценных осмысления и оценки. Например, на международном семинаре в Италии «От Рима – к Третьему Риму» наш ученый Т. В. Пашуто доложил свой вывод, что теория «к концу XVII века утратила свое политическое значение». И такое мнение распространено. Однако здесь упускают из виду, что теория лишь потеряла персоналий «Москва» и благодаря Петру I перекочевала в Петербург, а оттуда воплотилась в многонациональную (подобно Римской) империю, чего не получилось, да и не могло получиться, пока ею пытались увенчать развитие русского национального государства.

Нередко историки слишком любят сталкивать идеи в их противоборстве или отмечают их контраст: Третий Рим или Новый Иерусалим (Л. Лебедев), Старый Иерусалим и ветхий Рим (П. Паламарчук), хотя темы сами по себе недостаточно разработаны. А ведь наши предки соединяли на Москве разные теории, разные символы. Среди них можно выявить предпочтительные для разных периодов времени, а не говорить о постоянном противоборстве. Следует не забывать здесь и главного: историки, анализируя по существу градостроительные «теории», не знали хорошо самого города Москвы, иногда даже не предполагали, *как и насколько* эти символы были воплощены в ее градостроительной структуре.

Этот главный пробел частью был устранен в новой книге М. П. Кудрявцева «Москва – Третий Рим» (М., 1994). По ней можно видеть, сколь серьезно оценивались указанные символы нашими предками, коль скоро все символы были овеществлены в столице. Но в книге «Третий Рим» не могли быть освещены все московские символы (нет совсем Дома Пресвятой Богородицы), а главный (Третий Рим) получил доминирующее освещение по отношению к другим (Иерусалиму, Небесному Граду), поданным в ущербном и «перемешанном виде».

В данном докладе заострено внимание только на градостроительном воплощении символа «Москва – Второй Иерусалим», причем речь пойдет, конечно, о Втором земном Иерусалиме, а не о Втором Небесном. Мне представляется, что именно реальное градостроительное воплощение символа необходимо положить в основу его дальнейшего осмысления как непреложный факт. А начинать рассмотрение

необходимо, конечно, с исторических известий о нем (здесь приведена лишь часть известий).

Символически о «нашем Иерусалиме» как «нашей душе» хорошо сказал еще в XII веке святитель Кирилл Туровский: «Изыдем любовь, подобно народам, в сретение Ему, да и в наш Иерусалим вниде ныне Христос... Уготовим, яко горницу, души наши смирением, да через причастие внидет в нас Сын Божий...»

Столичный город — не только сердце страны, здесь находится и душа народа. Следовательно, столица тоже должна быть Иерусалимом, куда должен войти Христос. Это, конечно, символика духовная, но, как считали предки, неплохо при этом иметь и символы материальные, градостроительные. Традиция уподоблять город святому граду Иерусалиму была известна на Руси со времен ее Крещения. Киевский митрополит Иларион говорил в 1049 году: «Он (Константин Великий) с матерью своей Еленой крест от Иерусалима принесоша, по всему миру своему раславльша, веру утвердиста. Ты же (князь Владимир) с бабою своею Ольгою (тоже Еленой) принесоша крест от нового Иерусалима — Константинова града, по всей земле своей поставиша, оутвердиста веру». Здесь «новым», вторым Иерусалимом назван Константинополь. Но и в Киеве Золотые ворота были возведены и названы по подобию с воротами Константинополя и Иерусалима, а Золотые и Железные ворота Владимира Залеского — по подобию с одноименными воротами Иерусалима.

И вполне естественно, по словам позднего сказителя, еще митрополит Петр якобы пророчествовал, что в Москве «яко по Божью благословению Всемогущая и Живоначальная Троица и Пречистыя Его Богоматери, и церковей будет и монастырей святых бесчисленное множество, и наречется сей град Второй Иерусалим. И многим державством обладает, не только Россиею, но и во вся страны прославится в восточные, и южные страны, и северные; и вознесется Богом державство десницы Его отныне и до скончания миру» (Цитир. по И. Забелину, ИГМ, 1905. С. 36).

В Софийской летописи в Сказании «О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русския» говорится: «Боже! Придоша языци в достояние Твое, оскверниша церковь святую Твою, положиша *Иерусалима*, яко овощное хранилище...» (Курсив автора. — *Ред.*).

Такого рода постоянные высказывания, символические отождествления могли бы, конечно, оставаться на уровне церковно-символической лексики, если бы не появление в структурной застройке Москвы «иерусалимских» элементов.

Сначала возле Москвы начали появляться «поклонные горы» — конечно, по подобию с Поклонной горы возле Иерусалима. Игумен Даниил еще в XII веке сообщал о последней: «И ту есть гора ровна близ пути града Иерусалима, яко версты одна вдале, и на той горе сседают людие с коней и пеши все людие ходят и поклоняются христиане Святому Воскресению». Учитывая установившийся обряд, М. П. Кудрявцев сделал естественный вывод, что на 12 дорогах к Москве в XVI—XVII веках существовало вокруг города и 12 поклонных гор на тех возвышенных местах, с которых впервые открывался вид на столицу; хотя широко известна у нас только Поклонная гора на Смоленской дороге (ныне скрытая при строительстве мемориала Победы).

В подражание Иерусалиму в Москве появилось Лобное место. Возникло оно, вероятно, еще при Василии III († 1533), хотя впервые упоминается под 1549 годом. В то время еще не было посадских укреплений, и Лобное место появилось за городом — Кремлем, так же как Голгофа находилась снаружи стен Иерусалима. Форму круглой степени Лобное место унаследовало от наших городских «вечевых степеней» —

такая раскопана в Пскове археологом В. Белецким, показана на изображениях XV века в Москве, на Соборной площади Кремля.

Лобное место Москвы не было местом казней, как в ветхозаветном Иерусалиме, но уже обрело христианское значение места, освященного спасительной жертвой Христа. Оно служило своеобразным церковным амвоном, с которого служились молебны на всю Троицкую (Лобную) площадь вокруг этого амвона. С него оглашались народу царские указы, отпускались по Москве крестные ходы, отправлялись с молитвами и встречались войска... Оно было, наконец, «пупом» Русской земли, от которого отмерялись расстояния до всех русских городов.

Особенно знаменательным было празднование «Входа Господня в Иерусалим» на Неделю Ваий (Вербное воскресенье). Иерусалимом здесь выступал Кремль, шесть ворот которого соответствовали шести вратам Святого Града. Но недавние исследования Г. А. Романова показали, что праздник постепенно изменил свою первоначальную смысловую земную суть и стал символизировать путь Церкви за Господом к спасению в Иерусалим Небесный после Второго пришествия Христа и Страшного Суда. И если поначалу Фроловские ворота Кремля символизировали Золотые ворота земного Иерусалима, то затем Спасские – врата небесного града Иерусалима.

В 1532 году также еще при Василии III возле столпа Иоанна Лествичника была заложена церковь Воскресения Христова (Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме), освященная в 1544 году, но окончательно законченная в 1552 году. В 1555 году Иван Грозный и митрополит Макарий перенесли в нее также церковь Святого Рождества Христова «и собор установили». Еще в 1669 году этот собор именовался «Воскресенский, что под колоколами».

Собор Воскресения Христова занял фактически срединное положение в Кремле, посреди огромной кремлевской площади, составленной двумя площадями по его сторонам: Соборной и Ивановской. А будучи пристроен к столпу – колокольне Ивана Лествичника, позднее Ивана Великого, – иерусалимский храмовый символ стал центральным во всей градостроительной композиции Москвы. Именно ему поклонялись христиане со всех поклонных гор вокруг Москвы.

Однако его материальные формы лишь приблизительно напоминали свой иерусалимский образец, к тому же приспособленные вскоре под навеску колоколов. Прошло немного времени и встал вопрос о более точном воспроизведении образца. В начале XVII века царь Борис Годунов задумал разобрать Успенский собор и возвести здесь грандиозный храм Святой Святым наподобие храма Соломона: «и камень, и известь, и сваи – все было готово, и образец был деревянный сделан по подлиннику, как составляется Святая Святым; но вскоре его (царя) смерть застигла».

В народном сказе «Беседа Иерусалимская» есть любопытные строки: «А что с тое стороны восточныя восходит луч солнца красного осветить всю землю святорусскую, то *будет на Руси град Иерусалим Начальный* и в том граде будет соборная и апостольская церковь Софии Премудрости Божией и семидесяти верхах сиречь Святая Святым» (курсив автора. – *Ред.*).

Если в Кремле возвести Святая Святым, но не в смысле подобия ветхозаветному храму Соломона, а в христианском понимании во образ Царства Небесного, средоточием которого на земле был именно Гроб Господень – «рая краснейший», то Москва станет как бы «Иерусалимом Начальным». Окружение Бориса Годунова воспротивилось подобному замыслу. Царя обвинили в намерении разрушить уже имеющуюся святыню Москвы, а как следствие – в гордыне. Время Смуты и смерть Бориса окончательно сорвали его намерение.

В середине XVII века Патриарх Никон построил возле Москвы монастырь Новый Иерусалим с обустройством прилегающих земель во образ палестинской Святой Земли. Никону пришлось оправдываться перед обвинением в гордыне, поскольку «новым Иерусалимом» назывался Небесный Град. На земле же были возведены впечатляющие копии святых мест и храма Гроба Господня, то есть Воскресения Христова в земном Иерусалиме. Столица же осталась с прежними святынями: Успенским собором и рядом «Воскресенский собор под колоколы», очень отдаленно напоминающим иерусалимский образец.

Из святых мест, окружающих Иерусалим, наиболее образное природное воплощение в структуре Москвы получили Гефсиманский сад и часовня на месте Вознесения Господня. Гефсиманский сад как бы дублировался в Москве Большим Государевым садом, а восьмигранная часовня Вознесения Христа за Гефсиманией — нашим восьмигранным храмом Вознесения Христова в Коломенском за Государевым садом и Замоскворечьем.

Не только православные, но и католики хорошо понимали духовное значение Москвы, ее символические трансформации. Указанные элементы структуры градостроительной композиции свидетельствуют о сознательном устройении города по образу мировой христианской столицы — Иерусалима. Не случайно поляк Маскевич — свидетель и участник нападения на Москву польско-литовских интервентов в начале XVII века, записал: «Итак, мы снова запалили ее, по изречению Псалмопевца: «Град Господень измену, да ничтоже в нем останется!»

Московский Кремль